

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ДЕТСТВА В АСПЕКТЕ ЭТНОПЕДАГОГИКИ

© 2022

Воробьева Л.Б., Митченко З.В.

Псковский государственный университет (г. Псков, Российская Федерация)

Аннотация. Статья посвящена вопросам функционирования социокультурного феномена детства в псковском фольклорном дискурсе. В качестве объекта изучения выбраны псковские сказки, так как повествовательные тексты являются важнейшими единицами коммуникативной диалектологии и именно диалектная система национального языка эксплицирует традиционную культуру. Сказка является результатом коллективного творческого начала и в то же время сохраняет черты индивидуального творчества. Работа выполнена в аспекте проблем филологической регионалистики – изучения псковской народной речи и псковского фольклора. В статье рассмотрена традиционная модель семьи и ее иерархия как основа постоянства народной культуры, сформирован собирательный образ ребенка, акцентировано внимание на вопросах этнопедагогике. Специфика материала заостряет дискурсивный аспект темы и позволяет изучать словесные формы бытования сферы «детского», способы ее репрезентации в языке. Авторы приходят к выводу о том, что сказочные тексты, отражающие мир детства, строятся по традиционному для фольклорных жанров принципу оппозиционных отношений. Дуализм добра и зла, жизни и смерти, своего и чужого выступают как культурологические константы, вокруг которых выстраиваются частные трансформации, отражающие семантику субкультуры детства: родители – дети, дочь – сын, родной – неродной, многодетность – бездетность и другие оппозиции. Субкультура детства сельского населения Псковщины предстает как сложный социокультурный феномен, организованный по принципу бинарных оппозиций, являющийся составной частью традиционной культуры.

Ключевые слова: образ ребенка; псковская сказка; субкультура детства; фольклорный дискурс; этнопедагогика; коммуникативная диалектология; субкультура детства; псковская народная речь; народная культура.

SOCIO-CULTURAL PHENOMENON OF CHILDHOOD IN THE ASPECT OF ETHNOPEDAGOGY

© 2022

Vorobieva L.B., Mitchenko Z.V.

Pskov State University (Pskov, Russian Federation)

Abstract. The paper is devoted to the functioning of the socio-cultural phenomenon of childhood in the Pskov folklore discourse. Pskov tales were chosen as the object of study, since narrative texts are the most important units of communicative dialectology, and it is the dialect system of the national language that explicates traditional culture. A fairy tale is a result of collective creativity and at the same time retains individual creativity features. The work was carried out in the aspect of philological regional studies problems – the study of Pskov folk speech and Pskov folklore. The paper examines the traditional model of the family and its hierarchy as a basis for folk culture constancy, forms a collective image of the child, focuses on the issues of ethnopedagogy. The specificity of the material sharpens the discursive aspect of the topic and allows one to study verbal forms of being in the sphere of «children's», as well as the ways of its representation in the language. The authors come to the conclusion that fairy-tale texts reflecting the world of childhood are built according to the principle of oppositional relations, traditional for folklore genres. The dualism of good and evil, life and death, one's own and another's act as culturological constants around which private transformations are built, reflecting the semantics of the subculture of childhood: parents – children, daughter – son, native – non-native, large families – childlessness and other oppositions. The subculture of childhood of the rural population of the Pskov Region appears as a complex socio-cultural phenomenon, organized according to the principle of binary oppositions, which is an integral part of traditional culture.

Keywords: image of a child; Pskov tale; subculture of childhood; folklore discourse; ethnopedagogy; communicative dialectology; subculture of childhood; Pskov folk speech; folk culture.

Постановка проблемы

Народная педагогика как составная часть коллективного народного творчества зародилась в глубокой древности. Она отражает народные идеалы, воззрения, представления о человеке, семье и воспитании подрастающего поколения. В бытующих и в наши дни миниатюрах (поговорки, пословицы, сказки, легенды, песни, прикладное искусство) нашло свое яркое выражение неопределимое богатство педагогической культуры народа.

Статья выполнена на материале необработанных народных сказок и песен сказочного характера, опубликованных в монографии «Народные сказки Псковского края» [1], которая содержит обширный мате-

риал экспедиционных данных, тексты, комментарии к ним и исследования.

Народные сказки, наряду с мифологией, сохраняют целостность архетипа ребенка. Архетип – это накопленная поколениями людей психическая энергия, хранящаяся в сфере коллективного бессознательного, это инструмент познания бытия [2]. «Архетип ребенка определяет также основы содержания в конструировании различных педагогических систем, выявляя сущность объекта заботы взрослых, готовящих себе смену» [3, с. 40]. Сказки формируют представления ребенка о мире, «облегчают вхождение ребенка в мир взрослых, показывают ему, что плохо и что хорошо» [4, с. 24], они аккумулируют пе-

дагогическую культуру народа и становятся для ребенка первым источником сведений о жизни.

Монография «Народные сказки Псковского края» содержит 215 сказочных текстов, из них тема детства отражена в 83 текстах. Фольклорные тексты как одно из специфических проявлений диалектного дискурса заостряют проблемы установления территориальной специфики социокультурного феномена детства, изучение образа ребенка в картине мира сельского социума в контексте исторических и социальных трансформаций XX – начала XXI века. Актуальной остается характеристика способов воспитания детей в сельском социуме и анализ их вербальной репрезентации.

В работе впервые исследуются псковские народные сказки, отражающие социокультурный феномен детства, и исследование строится как интегрированное изучение фольклора, диалектной речи и психологии детства.

Анализ проблемы

В настоящее время изучению феномена детства посвящено большое количество работ по этнографии, философии, культурологии, фольклористике, народной педагогике [5–8]. «Идея всеохватного изучения детства закономерно считается сложнейшей для воплощения. Возможно, именно поэтому исследователями ведется поиск формата для осуществления разноаспектного описания этого культурного явления» [9, с. 22]. Вместе с тем исследования демонстрируют лакуны в изучении мира детства в целом и образа ребенка в частности, а представленность эмпирического материала не является исчерпывающей. Теоретическое освещение вопросов социокультурного феномена детства на материале псковских сказок выполняется впервые.

Формирование целей статьи

Целью работы является раскрытие социокультурного феномена детства на материале псковского фольклорного дискурса в аспекте онтологических ценностей сельского населения и этнопедагогике. В статье решаются такие вопросы, как: каковы особенности восприятия мира детства в семье, каков собирательный образ ребенка по материалам псковских сказочных текстов, каковы специфические черты проявления народной педагогики в сказочном тексте?

Цель работы определяет характер методологической базы. Вопросы субкультуры детства рассматриваются в междисциплинарном аспекте с использованием методов этнолингвистики, фольклористики, этнопедагогике, психологии, социальной этнографии.

Основным методом разработки теоретических аспектов темы является описательный метод. В работе с текстовым материалом используются методы коммуникативной диалектологии и системно-структурный метод. В работе применяются элементы статистического метода.

Традиционная модель семьи

Важнейшей категорией традиционной народной культуры является семья, в которой дети занимают центральное место. Эталонной для традиционной культуры является модель семьи, в которой есть отец, мать и дети. Фигура матери является ключевой, связь детей с матерью гораздо сильнее, чем с отцом. Это закреплено и в сказочном фонде. В семье родители противопоставлены детям, старшие дети противопоставлены младшим. «Дуальность – основополагающий принцип восприятия, характерный для традици-

онной культуры в целом. Именно на ней основано и восприятие человека человеком: свои и чужие – те основные характеристики, по которым люди в первую очередь оценивались в древности и продолжают оцениваться в настоящее время» [10, с. 34]. Деление универсума на два мира *свой / чужой* – это одна из фундаментальных семиотических дихотомий [11–13], которая имеет множество частных репрезентаций. Помимо традиционного понимания *чужого* как не относящегося к своему миру, выделяется оппозиция *родные люди – чужие люди*: *И пошёл мальчишка в чужие люди себе кусок хлеба зарабатывать от двора к двору, от села к селу* (Мартин-сирота), мир детей с глубиной детской души, особенностями мировосприятия оказывается чуждым миру взрослых и в то же время вписанным в этот мир по принципу вхождения в семью.

В традиционном представлении наличие детей, а тем более *многодетность* – признак полноценности семьи, норма ее существования: *Узьял её замуж. Ина родила двенадцать сынов, уолос в уолос и волос в волос. Это двенадцать сынов.* (Речка слёз). Но много детей в семье – это и трудность, вызванная необходимостью их прокормить: *Рябят кучка и ничох нет. Ребятам поесь да что!* (Два брата). *Бездетность* – отступление от нормального устройства семьи, и эту лакуну народное сознание стремится преодолеть: *У кого детей не было, брали люлечку и колыхали. И выколыхали сынка Черёшечку* (Сказка про Черешечку). *Не было у них детей. Взял дед полешечко, отесал, завернул и положил на печку. Услышали дед с бабой, что ребёнок на печке плачет. Подошли, смотрят: мальчик!* (Терешечка-с-полешечка). Долгожданный ребенок становится обладателем чудесных свойств, но они оцениваются как положительные, если находят применение в труде: *Отец остался доволен, что теперь такой помощник у него есть. Да вот беда, не вышло помощника из сына: за что ни возьмётся, всё сломает – слишком много силы в нём* (Поп и работник).

Оппозиция *многодетность – бездетность* актуализирует противопоставление *бедность – богатство*, поскольку многодетная семья в материальном плане не является благополучной: *А раньше ж жила только с своей хозяйств. Если заробишь уде на чом свою копейку, то будешь и жить* (Как Ванюшка-дурачок ездил в город дровы продавать). «В диалектной культуре богатство связано, прежде всего, с утилитарными ценностями и всем тем, что обеспечивает жизнедеятельность человека. Трансформации представлений о богатстве вызывают экономические, политические, социальные, территориальные факторы» [14, с. 25].

Гендерный аспект проявляется в оппозиции *сын – дочь*, где в качестве маркированного члена выступает *сын*, поскольку появление в семье сына всегда считалось особым событием в традиционной народной культуре. Псковский материал отражает и социальную составляющую, сопутствующую рождению сына: *В старые времена ... народится девочка в семье, родится – на неё землю не давали, давали землю только на сыновей* (Царь и камнетес).

Смерть ребенка – это распространенный для сказочных сюжетов мотив. Смерть наступает в силу намеренного действия злых сил или недругов, нередко ими становятся родственники семьи, а иногда и сама мать. Но жанровые особенности сказки позволяют воскресить ребенка, что снимает остроту восприятия самого факта умерщвления. Так, традицион-

ная оппозиция *жизнь – смерть* получает приватную репрезентацию *гибель (смерть) – спасение: А жана, пока ён ездил, сынка-то йихнего ўзяла, да камушком головку пробила. Ён и помёр* (Про сестру, брата и злую жену). *Жана-то заела мальчыка!* (Марко Богатый). *Вот я была в положении, а она (сестра мужа) заставила убить ребёнка!* (Про Весёлую Весёлку).

Отсутствие у ребенка родителей / родителя традиционным сознанием воспринимается как взрыв семейных устоев. Естественная модель семьи нарушается и появлением в семье «чуждого» элемента – детей от предыдущих браков одного из родителей и их неродных родителей. Так выстраивается противопоставление *родные дети – неродные дети: Умерла у Алёнушки мать. Ожанився отец на друую. И от этой мачехи ужо было две девочки. И стали Алёнушку обижать* (Грустная сказка об Алёнушке). *Мачеха не любила несвою дочь. И всё думала: как бы нам её сжить?* (Мачеха, дочь и падчерица).

Взаимодействие старших членов семьи с младшими строилось, исходя из рационального подхода к сохранению рода, когда все отягощающее жизнь малой социальной группы устранялось. Сказочный текст сохраняет следы трудных социальных условий жизни сельского населения – отсутствие возможности прокормить детей, голод толкали людей на оставление детей. *Жили они очень бедно. Вот отец с матерью и говорят: «Надо детей в лес свясти и оставить там. Пусть они там хоть ягодами питаются. Большие нас... нам кормить их нечем»* (Мальчик-с-пальчик). Концовка сказки показывает, что это решение родителей было вынужденным и возвращение детей приносит родителям радость.

Направление участников ситуации может меняться, когда младшие избавляются от старших: *Раньше завозили в овра-аги старух. Вот повезуть в овраг куды-нибудь; дадут хлеба на три дня – и повязли! Видють, что старушка савсим дряхлая или старичок, и повязли* (Дед и внук).

Так нивелируется разница между ребенком и стариком, актуализируется семантика беспомощности и неспособности противостоять решениям активных членов человеческого сообщества. Архетип ребенка получает свою завершенность, когда и «старый» становится «что малый» [15].

Таким образом, тема детства, рассмотренная в контексте универсальной оппозиции *свой – чуждой*, актуализирует приватную оппозицию *родители (взрослые) – дети (маленькие)*, которая иерархически представлена в более частных противопоставлениях: *многодетность – бездетность, отец – мать / баба / мачеха, дочь – сын, родной – неродной (свой – несвой), бедность – богатство*.

В сказочных текстах не используются слова *родители / взрослые / старшие*, а наблюдается дифференциация: *мать / отец, муж / жена или баба (бабушка) / дед (дедушка)*. Мир детей вербализуется как *дети, ребята / кучка ребят, ребенок (ребёнки), дочь / дочери, девочка / девчонки, сын / сыны / сыновья, мальчик / мальчишки*.

Образ ребенка

Псковская сказка позволяет выявить собирательный образ ребенка. Указания на внешность и возраст ребенка отмечаются как единичные фиксации, они отражают прием идентификации, когда сказитель

намеренно привносит в сказочный сюжет элементы, свойственные слушателю: *И был у неё внучек. Васятка. Волоски белые льняные, глазки голубые, щёчки румяные* (Васятка и Баба-Яга). *А свёкор со свёкровкой живут, и сын жанатый, и внучку было пять лет* (Про невестку, свёкра и внучка). Эта информация носит частный характер для сказочного текста, она направлена не только на поддержание интереса у слушателя, но и призвана обеспечить встречу слушателя с самим собой [16].

Существенное значение приобретают другие признаки детства. Важной приметой благополучия семьи является не только наличие детей, но и то, какими дети растут в семье. Так в народном сознании концептуальной является оппозиция *умный – неумный / дурак*. Маркированным членом оппозиции в сказках о детях выступает *дурак*, поскольку именно он оказывается самым благополучным из всех членов детского сообщества. Вербально эта оппозиция в отношении лица мужского пола реализуется либо в традиционном соотношении *умный – дурак*, либо в более мягкой форме как *умный – неумный*, что для псковских текстов более распространено. В отношении лица женского пола используется только противопоставление *умная – неумная*, и актуализируется оппозиция *нормальная – неумная*. Понятие нормы в народном сознании определяется именно в соотношении с отступлением от нее: *Были у них три дочки. Две нормальные девки, а третья, младшенькая, забитая уж очень была, вроде как и неумная* (Серебряное блюдечко и наливное яблочко).

Труд – естественное сопровождение жизни и взросления ребенка. Вербальные презентации оппозиции *трудолюбие – лень* показывают широкий спектр умений, отнесенный к сфере детского труда: *Он и воду таскает, и дрова носит, и двор подметает! Ну, не сидит без дела нисколько! Он вставал рано, как только солнышко первым лучом осветит, и уйдёт на речку* (Васятка и Баба-Яга). *Отец далеко работал в поле. А мальчик носил ему в поле еду* (Ивашка). *Будешь мне перину трясти, подметать полы* (Про падчерицу и мачехину дочку). *«Да, я останусь с вами, буду грибы, ягоды собирать, блины печь!»* (Сказка для внучки Иринки). *Иди паси козу!* (Коза-стрекоза).

Универсальные приметы детства проявляются в желании подразнить: *Ему хочется её подразнить (ведьму), и говорит: «Поката-айся-ка, поваля-ййся-ка, свою дочку съевши!»* (Васятка и Баба-Яга); отмечать праздники: *Пришла зима, и ребяташки начали справлять Новый год* (Снегурочка и Баба-Яга).

В народном сознании подмечены и непростые отношения, складывающиеся внутри группы детей, где проявляется оппозиция *старшие (дети) – младшие (дети)*: *Жили-были два брата умных, а третий, младшенький, Иванушка-дурачок. Жили они недружно, вечно обижали Иванушку, за каждый проступок его били. Одежду ему давали самую плохую, самую рваную* (Про Иванушку-дурачка).

Детство в культуре социума – это не признак беспомощности, как раз наоборот, народное сознание подчеркивает догадливость, смекалку детей, в некоторых случаях предусмотрительность: *Как же мне его оманить, чтоб ён менé к бабушке отпустил с дедушкой?* (Машенька и медведь). *Бедный мальчик будто бы камушки бросал по дороге, какие-то при-*

меты делал (Сказка про Чурилушку). Распространенным является сюжет, когда ребенок просит взрослых подать пример и оказывается победителем в противостоянии злым силам: *Терёшечка-с-полешечка и говорит ей, что она не так делает. – А как нужно? – спрашивает сестра Баба-Яги. – Покажи! Села она на лопату, а он её и ткнул в печку!* (Терёшечка-с-полешечка). Услышав «не мамин» голос, ребенок спасает свою жизнь: *Говорит мальчик: «Это не мамин голос, это Баба-Яга зовёт меня!»* (Терёшечка-с-полешечка).

Концептуализация особых ментальных свойств ребенка проявляется в оппозиции *маленький – смысленный: Мальчик-с-пальчик хоть маленький, а смыслённый был* (Мальчик-с-пальчик). Внешний признак (рост) лежит в основе другой оппозиции с компонентом *маленький: маленький – настоящий: Было у него семь детей. Шесть настоящих мальчиков, а седьмой был маленький Мальчик-с-пальчик* (Мальчик-с-пальчик). Быть ребенком – значит, обладать и особыми охранными функциями: – *Слушай, девочка, я тебе съем!* – *Она говорит: – Ня ешь мене, я маленькая!* (Бычок-дристунок). Так актуализируется противопоставление: *маленькие – большие / взрослые*.

Народная педагогика

В настоящее время наиболее изучен педагогический потенциал пословиц, поговорок, фразеологических единиц [17]. Воспитательная функция сказки проявляется в ее связи с реальной жизнью, в формировании этических устоев [18]. Знакомство детей со сказками, которые отражают традиционный уклад семьи, взаимоотношения внутри малой социальной группы как между взрослыми и детьми, так и по линиям дети – дети, взрослые – взрослые, описывающие те опасности, которые таит в себе мир чужой – вне семьи, готовит ребенка к вхождению в мир взрослых [19, с. 19]. «Мир взрослых по отношению к ребенку является еще закрытым миром, в который ценой больших усилий роста и развития ребенку и детям предстоит войти в будущем. Мир взрослых, таким образом, мыслится и извне, и изнутри, как мир, определяемый совокупной множественностью взрослых, а мир ребенка мыслится только извне, с позиций мира взрослых, которые утратили свою принадлежность миру детей» [20, с. 27].

В псковском фольклорном дискурсе (в составе автокомментариев) содержится информация и о том, как взращивали детей, что заменяло соску: *Положили яго (ребенка), а яму дали большую такую марлю с ядой, чтобы он сосал (соски-то раньше ж такие сосали дети: в марлю хлеба или что)* (Царь Дадон (про Василия Бессчастливого)); чем кормили детей: *Вот привезли наместо дров привезли медведя. Ну, сняли медведя, всю зиму ели! Всю зиму и кормили ребятшек!* (Мужик и медведь).

Важной частью системы воспитания ребенка является наказание [21, с. 183–184]. В псковском материале традиционное понимание наказания как способа осознания границ допустимого трансформируется и граничит с проявлением жестокости и несправедливости по отношению к ребенку: – *Ах, ты! Внучка! Что ж ты наделала?! Что ж ты не напаса?! – И начал бить, и начал бить! Бил, бил яё. Набил. Внучка заплакала* (Коза-рогоза). *Дедушка рассердился, дочку побил* (Коза-стрекоза).

Незыблемыми для системы воспитания детей остаются нравственные устои семьи: *Обольстил, обещал взять замуж, ... а когда барин узнал, что у неё будет ребёнок, он её и выгнал с работниц. Куда идти? С горничных. Куда идти? Домой пошла, к родителям. А тогда законы были строгие. Это считалось большим позором, если у девушки рождается ребёнок* (Про безручку).

Выводы

На основе архивных текстов сказок, как жанра народной прозы, сформирован корпус текстов, отражающих мир детства. По данным псковского фольклорно-этнографического архива, феномен детства органически вписывается не только в традиционные культурологические константы, присущие фольклору – дуализм добра и зла, жизни и смерти, своего и чужого, но и отражает их трансформации, исходя из специфической семантики детства. Так актуализируются оппозиции: родные люди – чужие люди, родители (взрослые) – дети (маленькие), многодетность – бездетность, отец – мать / баба / мачеха, дочь – сын, родной – неродной (свой – несвой), бедность – богатство, умный – неумный / дурак, трудолюбие – лень, старшие (дети) – младшие (дети), маленький – смысленный / «настоящий» / большой (взрослый).

Вербализация мира детства в данной работе рассмотрена прежде всего на лексическом уровне и изучена с учетом вербальных маркеров в пределах выявленных оппозиций.

В преобладающем большинстве сказок воплощены присущие народу нравственные образцы: любовь к родному дому, противостояние злу, трудолюбие, осуждение лени, победа разума и справедливости, одаренность. Воплощение в сказках положительных черт народа и сделало сказки эффективным средством их передачи из поколения в поколение.

Исследование социокультурного феномена детства на материале фольклорного дискурса имеет большой потенциал, поскольку транслирует закрепленную в народном сознании систему воспитания новых членов сообщества. Сказки отражают индивидуальный и собирательный опыт детства. Через сказки дети воспитываются, поскольку связь с жизнью является самой действенной чертой народной педагогики. Следует отметить, что представления о прекрасном и ужасном в восприятии ребенка существенно отличаются от взгляда взрослого человека. Некоторые сказки натуралистичны и относятся к категории «страшных», сюжеты сказок, развитие действия намеренно утрированы, а развязка далеко не всегда имеет положительный, так сказать, счастливый исход. «...Ребенку сложно представить прошлое, будущее, настоящее. Примерно до девяти лет у детей формируются причинно-следственные связи и точное значение временных понятий. Дети не измеряют жизнь будущими событиями, именно поэтому понятие смерти для них непостижимо, так как феномен конца непосредственно имеет временной контекст» [4, с. 27–28].

Субкультура детства сельского населения Псковщины предстает как сложный социокультурный феномен, организованный по принципу бинарных оппозиций, являющийся составной частью традиционной культуры в целом и значимо представленный в таких сферах ее функционирования, как язык, фольклор и народная педагогика.

Список литературы:

1. Большакова Н.В., Плошук Г.И. Народные сказки Псковского края: монография. В 2 ч. Ч. 1: Тексты. Комментари. Исследования. Аудиоприложение. Псков: Логос, 2016. 616 с.
2. Бойко О.А. Архетип «тени» в искусстве XX в. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 3 (23). С. 15–23. DOI: 10.17223/22220836/23/2.
3. Нефедова Л.К. Архетип ребенка как онтологический прототип и энергично-смысловая форма конструирования понимания детства в искусстве слова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 2 (11). С. 36–40.
4. Башарова Е.А. Формирование и развитие иллюзорного мышления у детей // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2016. № 4. С. 22–34.
5. Абраменкова В.В. Ценность детства в современном мире и образовании. М.: ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», 2019. 235 с.
6. Лопсонова З.Б., Маншеев Д.М. Специфика социализации детей в традиционной культуре бурят // Science for Education Today. 2020. Т. 10, № 4. С. 202–219. DOI: 10.15293/2658-6762.2004.13.
7. Ситкарь В.И. Фольклор как составляющая социализации и форма вхождения детей в субкультуру // Problems of correlation of interpersonal interactions and educational technologies in social relations: Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results of the LXXV International Research and Practice Conference and I stage of the Championship in Pedagogical and Psychological sciences. London, 2014. P. 90–93.
8. Баранов Д.А. Образ ребенка в представлениях русских о зачатии и рождении (по этнографическим, фольклорным и лингвистическим материалам): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. 155 с.
9. Банкова Т.Б., Угрюмова М.М. Диалектный «Словарь детства»: в поисках лексикографического формата (на материале говоров Среднего Приобья) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 22–28. DOI: 10.17223/15617793/413/3.
10. Краюшкина Т.В. Представления восточных славян Дальнего Востока России об иноплеменниках (на материале прозаических жанров устного народного творчества) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 58. С. 34–51. DOI: 10.17223/19986645/58/3.
11. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Ценностные константы русинской паремологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303–317. DOI: 10.17223/18572685/54/18.
12. Осокина С.А. «Свое» и «чужое» в детской речи // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 88–105. DOI: 10.17223/19986645/55/7.
13. Марковина И.Ю., Васильченко Т.А. Культурная константа «свой-чужой» на аксиологической оси модели мира: механизмы защиты // Язык. Сознание. Культура: сб. ст. / под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М.–Калуга: Изд-во «Эйдос», 2005. С. 217–230.
14. Волошина С.В., Толстова М.А. Репрезентация концепта «богатство» в диалектном дискурсе: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 17–28. DOI: 10.17223/19986645/55/2.
15. Злобин Ю.Д. Символика развития личности пожилого человека в народных волшебных сказках // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2009. № 7 (42). С. 52–58.
16. Вачков И.В. Сказочная метафора как средство взаимопонимания // Социальная психология и общество. 2011. № 1. С. 111–118.
17. Чумарова Л.Г., Беляева Е.А., Николаева О.А. Фольклор как средство этнопедагогики // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 56–8. С. 280–288.
18. Алексеенкова Е.Г., Андреева В.Н. Зависимость эмоционального отношения дошкольников к персонажам сказки от ее композиции // Вопросы психологии. 2006. № 6. С. 39–48.
19. Мамычева Д.И. Детство в пространстве русской традиционной культуры // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 1 (149). С. 16–20.
20. Нефедова Л.К. Имманентное и континуальное начала детского Мы // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2014. № 3 (4). С. 26–29.
21. Курочкин О.Е. Психологический анализ исторических предпосылок формирования выученной беспомощности у детей в процессе воспитания // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2008. № 11. С. 181–187.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-512-00003 «Субкультура детства в дискурсе устной истории, языке и фольклоре Витебско-Псковского пограничья XX – начала XXI века».

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
<p>Воробьева Лина Бронислововна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного; Псковский государственный университет (г. Псков, Российская Федерация). E-mail: lina5558@yandex.ru.</p> <p>Митченко Зинаида Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного; Псковский государственный университет (г. Псков, Российская Федерация). E-mail: pzina79@mail.ru.</p>	<p>Vorobieva Lina Bronislovovna, candidate of philological sciences, associate professor of Philology, Communications and Russian as a Foreign Language Department; Pskov State University (Pskov, Russian Federation). E-mail: lina5558@yandex.ru.</p> <p>Mitchenko Zinaida Vasilyevna, candidate of philological sciences, associate professor of Philology, Communications and Russian as a Foreign Language Department; Pskov State University (Pskov, Russian Federation). E-mail: pzina79@mail.ru.</p>

Для цитирования:

Воробьева Л.Б., Митченко З.В. Социокультурный феномен детства в аспекте этнопедагогики // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 1. С. 288–292. DOI: 10.55355/snv2022111304.